

Александр Грин

# Элда и Анготэя



# Александр Степанович Грин

## Элда и Анготэя

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=271732](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271732)*

### **Аннотация**

Друг умирающего героя совершает «ложь во спасение»...

# Содержание

1	4
2	9
3	12

# Александр Степанович Грин Элда и Анготэя

## 1

Готорн пришел за кулисы театра Бишопа. Это произошло в конце репетиции. Она кончилась. Стоя в проходе среди ламп и блоков, Готорн вручил свою визитную карточку капельдинеру с тем, чтобы он понес ее Элде Сильван.

После того, входя в ее уборную, он снова был поражен ее сходством с фотографией Фергюсона.

Элда была в черном платье, устремляющем все внимание на лицо этой маленькой, способной актрисы, которая еще не выдвинулась, благодаря отсутствию влиятельного любовника.

Она была среднего роста, с нервным и неровным лицом. Ее черные волосы, черные большие глаза, которым длинные ресницы придавали выражение серьезно-лукавой нежности, чистота лба и линии шеи были очень красивы. Лишь всматриваясь, наблюдатель замечал твердую остроту зрачков, деловито и осторожно внимающих тому, что они видят.

Ее свободная поза – она сидела согнувшись, положив ногу

на ногу – и мужская манера резко выдыхать дым папиросы освободили Готорна от стеснения, сопровождающего всякое щекотливое дело.

– Душечка, – сказал он, – вам, вероятно, приходилось встречать всяких чудаков, а поэтому я заранее становлюсь в их ряды. Я пришел предложить вам выступление, но только не на сцене, а в жизни.

– Это немного смело с вашей стороны, – ответила Элда с равнодушным радушием, – смело для первого знакомства, но я не прочь ближе познакомиться с вами. Единственное условие: не тащите меня за город. Я обожаю ресторан «Альфа».

– К сожалению, малютка, дело гораздо серьезнее, – ответил Говард. – Сейчас вы увидите, что выбор мой остановился на вас совершенно исключительным образом.

Актриса, изумясь и в то же время подчеркивая изумление игрой лица, как на сцене, заявила, что готова слушать.

– Во время своих прогулок я познакомился с неким Фергюсом Фергюсоном: зашел в его дом напиться воды. Дом выстроен на Тэринкурских холмах. Фергюсон существует на пенсию, оставленную ему мужем сестры. Фергюсону – лет сорок пять; его прислуга ушла, тяготясь жить с больным. Он помешанный и в настоящее время умирает. Основным пунктом его помешательства является исчезновение жены, которой у него никогда не было; это подтверждено справками. Возможно, что, будучи нестерпимо одинок, он, выдумав же-

ну, сам поверил в свою фантазию. Так или иначе, но фотография Анготэи – так он называет жену – изумительно похожа на вас, а вас я видел на сцене и в магазине Эстрема. Это необыкновенное сходство дало мне мысль помочь Фергюсону обрести потерянную жену. Откуда у него фотография – неизвестно. Я думаю, что он когда-то ее купил.

– Вот как! – сказала возмущенная Элда. – Вы сватаете меня без спроса, да еще за безумного?!

– Имейте терпение, перебил Готорн. – Фергюсон умирает, я уже вам сказал это. У меня мало времени, но я должен кончить мой рассказ. В день свадьбы Анготэя отправилась одна по тропе, на которой находится отверстие. Оно – в тонкой стене скалы, перегородившей тропу. Часть тропы, позади овала, так похожа на ту дорожку, которая подводит к нему, что в воображении Фергюсона овальное отверстие превратилось в таинственное зеркало. Он убежден, что Анготэя ушла в зеркало и заблудилась там. По расчету врача, ему осталось жить не более двенадцати часов. Мне хочется, чтобы он умер не тоскуя. И увидел ее.

– Ну, ну!.. – сказала Элда, немного помолчав из приличия. – Забавно. Станный сентиментальный дурак. Извините, не нравятся мне такие типы. Но скажите, к чему вся эта история?

– Она вот к чему, – строго ответил Говард, – не согласитесь ли вы быть полчаса Анготэйей? Потому что он призывает ее. Это человек прекрасной души, заслуживающей иной

судьбы. В случае вашего согласия назначайте сколько хотите.

При последних словах Готорна лицо Элды стало неподвижно, как бездыханное; зрачки хранили расчет.

– Что же я должна говорить? – быстро спросила она.

– Примерно я набросал. – Готорн подал листок бумаги.

Шевеля губами, Элда стала читать.

– Нет, все это изумительно, – сказала она опуская бумагу. – У меня смятка в голове. Скажите: вы сами – не психиатр?

– Нет, – спокойно пожаловался Готорн. – Я – патолог.

– А! – протянула она с доверием. – Обождите: я попробую.

Выйдите пока.

Готорн вышел и стал ходить около двери. Она скоро открылась, и Элда кивнула ему, приглашая войти.

– Я думаю, что мы это обстригаем, – сказала актриса, усиленно куря и отгоняя рукой дым от глаз, холодно и ревниво изучавших Готорна. – Прежде всего – деньги. Сколько вы намерены заплатить?

– Десять тысяч, – сказал Готорн, чтобы ошеломить ее.

– Что-о-о?

– Я сказал: десять тысяч.

– Преклоняюсь, сказала Элда, низко склоняясь в шутовском поклоне, который неприятно подействовал на Готорна, так как вышел подобострастным. – На меньшее я бы и не согласилась, – жалко и жадно добавила она, хотя думала лишь о десятой части этого гонорара. – Еще одно условие: если этот

ваш Фергюсон выздоровеет – я не обязана продолжать игру.  
– Конечно, – согласился Готорн. – Итак – в автомобиль.  
Он здесь, собирайтесь и едем.



## 2

Окончательно сговорясь, они вышли, уселись в автомобиль и поехали к Тэринкурским холмам.

Во время этого путешествия, занявшего всего полтора часа, Элда почти молчала; ее ничто не интересовало за пределами, отчеркнутыми Готорном, которые она находила вполне достаточными технически. Она смотрела перед собой, что-то упорно обдумывая. Вдруг, когда автомобиль выехал на дорогу, вившуюся над пропастью, с лесом внизу и с медленно слетающими ручьями, а Готорн хотел обратить ее внимание на резкую прелесть этой картины, она сказала:

– Я должна говорить только так, как у вас написано? Ваше не совсем подходит. Надо проще: хотя он и видел ее только в бреду, но тут ведь будет уже не совсем бред.

– Пожалуй, – сказал Готорн, для которого случай этот был и экспериментом, и денлом сострадания. – Довольно вашего лица. Вашего сходства с несуществующей Анготэей.

– Нет, этого мало.

– Давайте как хотите, лишь с сознанием великой ответственности. – И затем Готорн, указывая рукой, добавил: – Вот еще пропасть; видите там тени в тумане? Красивый хоровод пустоты.

– Да, – ответила рассеянно Элда. – Я хочу спросить: деньги будут уплачены немедленно?

– Без сомнения.

– Благодарю вас.

Она опять погрузилась в раздумье, и ее вывел из задумчивости Готорн, указавший Элде на тропу, вьющуюся среди кустов.

– Мне кажется, сказал он, – что вам следовало бы взглянуть на воображаемое «зеркало», на тот просвет в скале, в который, по утверждению Фергюсона, ушла Анготэя.

– Да, чтобы настроиться, – согласилась Элда. – Доброму вору все в пору. Это не далеко?

Успокоив ее, Готорн велел остановить автомобиль, и они пошли по тропе. Тропа шла над отсеченным обрывом, и вот – показалось то, очень правильной формы, высокое овальное отверстие в поперечном слое скалы, о котором он говорил. Действительно, – и позади, и впереди этого отверстия, – все было очень похоже; симметрия кустов и камней, света и теней, – там и здесь, не касаясь, конечно, частности, были повторены на удивление точно.

Рассмотрев отверстие, Элда переступила овал, прошла вперед шагов десять и бегом вернулась обратно.

– Это, собственно говоря, ничего не дает, – заявила она Готорну. – Так мы поедем теперь?

Ехать оставалось немного. Они вернулись в автомобиль и, обогнув большую скалу, остановились. Стоявший в лесу небольшой каменный дом был виден крышей и отвесом стены. Показав Элде тропинку, ведущую к нему, Готорн, усло-

вившись, что придет за ней через полчаса, удалился в соседних, что привез женщину, сущность которой могла сказать-ся невольно, обратив все это запутанное и рискованное милосердие в смешное и тяжелое замешательство.

Когда он ушел, Элда отправилась переодеваться в кусты, гоня назойливых мух и проклиная траву, коловшую подошвы ее босых ног. Но деньги – такие деньги! – воодушевляли ее. И тем не менее в этой дурной и черствой душе уже шла, где-то по каменистой тропе, легкая и милая Анготэя, и Элда наспех изучала ее.

### 3

Не заходя в комнату Фергюсона, Готорн попросил сиделку позвать доктора, огромного, включенного человека, а когда тот пришел, ввел его в отдаленное от больного помещение и стал расспрашивать.

– Он лежит очень спокойно, – сказал доктор, – молчит; иногда берет фотографию и рассматривает ее; силы оставляют его так быстро, как сохнет на солнце мокрое полотенце. Изредка забывается, а очнувшись, спрашивает, где вы.

– Я ее привез, – сказал Готорн. – Что же, можно ввести?

– Мое положение затруднительно, – ответил доктор, подходя с Готорном к окну и рассматривая вершины скал. – Я знаю, что он умрет не позже вечера. Однако возможно ли рисковать на случай прозрения, наступающего иногда внезапно, при маниакальном безумии, в случае потрясения нервной системы. Я хочу сказать, что возможен результат, противный желаемому.

– Как же быть?

– Я не знаю.

– Я тоже не знаю, – сказал Готорн.

Наступило насупленное молчание. Готорн искал ответа в себе. Тени скал уверенно показывали провалы. Он оставил доктора и пошел было к Фергюсону, но вернулся, говоря:

– Я не знал, но теперь знаю. Ко мне вернулась уверен-

ность. Но, догктор, мы с вами к нему не выйдем. Мы будем в соседней комнате смотреть в дверь.

Выйдя через веранду, Готорн поспешил к тому месту, где его ждала Элда, и застал ее сидящей на камне.

Уверенность его возросла, когда он посмотрел на нее, готовую играть роль. Резкая прическа исчезла, сменяясь тяжелым узлом волос, открывшим лоб. Лицо Элды, очищенное от грима и пудры, с побледневшими губами, выглядело обветренным и похудевшим. Босая, в рваной, короткой юбке, в распахнутой у шеи блузе, с висящим в сгибе локтя темным платком, она внезапно так ответила его тайному впечатлению о вымышленной женщине, что он сказал:

– Я доволен, Элда. Я вижу – вы угадали.

– Угадала? Бросьте, – ответила Элда, протирая зубы раствором яблочного железа, чтобы уничтожить табачный запах. – Все-таки я шесть лет на сцене. Что же, пора идти?

– Да, пора. Ну, Элда, – Готорн крепко сжал ее руки, – смотрите. Вы должны понимать. Вы – женщина.

Она пожалала плечами и отвела взгляд. Ей хотелось как можно скорее развязаться с этой мрачной историей и вернуться домой. Они молча достигли дома и, пройдя три заброшенные, неопрятные комнаты, остановились перед полуоткрытой дверью, в свете которой видна была кровать с исхудавшим, на подушках, лицом Фергюсона, обросшим полуседой бородой.

Готорн заметил доктора, который уже сидел, согнувшись

на стуле, поставленном так, что из полутьмы закрытых ставен этого помещения была ясно видна картина раскрытой двери.

Элда глубоко вздохнула.

– Я боюсь, – прошептала она, но тотчас же, начиная неуловимо изменяться, стала так близко на свете дверей, что ее лицо осветилось. Ее нога три раза шевельнула пальцами, и она мысленно сосчитала: раз, два, три. Затем, в слезах, ликуя и плача, Элда быстро подбежала к постели.

Доктор невольно встал, похолодев, как и Готорн, которого искусно сделанное Элдой преобразование освободило от напряжения и ожидания. Тяжесть свалилась с него. Он передал Фергюсона в опытные и ловкие руки.

– Наконец то я здесь! – услышал он с восхищением верные и живые звуки голоса Элды, полного страстного облегчения. – Как будто вечность прошла! Встречай бродягу свою, друг мой. Ты меня не забыл? Если не забыл, то прости!

Фергюсон сел и, прислонившись затылком к стене, протянул руки. Он смотрел исступленно, как сталкиваемый в пустоту. Но вокруг влажных его зубов, обведенных исхудавшими губами, широкая и острая сверкала улыбка. Ни сказать, ни крикнуть он не мог, лишь задыхался, все сильнее выгибая вперед грудь и закидывая лицо. Наконец он мучительно закричал, и этот его крик – «Анготэя!» – был так ужасен, что доктор и Готорн бросились в комнату. Больной бился и хохотал, заливаясь слезами. Придерживая его руки, Готорн за-

метил, что Фергюсон никого не видит, кроме Элды; изо всех своих последних сил он смотрел на нее.

– Анготэя, – прошептал он, – ты теперь не будешь ходить одна?

– Никогда, – сказала Элда. – Я была далеко, но всегда помнила о тебе. Я изголодалась и напугалась; ноги мои устали и изранены. О, как там было все немило и чуждо! Стены стояли кругом, внизу слышался рокот. Никак нельзя было выйти из скал. Но зеркало-то – разбито...

Готорн с удивлением слушал, как она легко и естественно перевирает его бумажный набросок.

– Разбейте его, – сказал Фергюсон, прочь дрянное стекло!

– Я разбила его камнем, – подтвердила Элда. Она закрыла одеялом ноги Фергюсона, устала подушку между стеной и затылком, потом встала на колени перед кроватью и взяла руку больного. Потревшись лицом о его колено, она вытерла слезы. Другая рука Фергюсона, вырвавшись из руки доктора, протянулась и коснулась ее лба концами дрожащих пальцев.

– Дурочка... – сказал Фергюсон, потом закрыл глаза и стал умирать. Его голова тряслась вначале резко, потом все тише, и он медленно упал на подушку с уже умолкшим лицом, – лишь в его вздувшихся ребрах еще не прекращалась мелкая дрожь.

Доктор открыл веки Фергюсона и пощупал пульс.

– Агония, – сказал он очень тихо.

Элда поднялась с пола. Испуганно взглянув на умираю-

щего, она потрела занывшее колено и выбежала переодеться.

Когда она возвратилась, умерший был уже закрыт простыней. Доктор и Готорн сидели у стола в другой комнате и рассматривали его бумаги.

При входе Элды они встали, и Готорн поблагодарил ее, прибавив, что лишь характер случая мешает ему воздать должное ее таланту, который она употребила на, может быть, странное, но истинно человеческое дело.

– А вы – как? – спросила она у доктора.

– Превосходно, – ответил доктор. – но мне трудно говорить об этом теперь.

Элда подошла к Готорну, чертя на полу концом зонтика запутанную фигуру.

– Вот что, – сказала она с детским выражением больших прямых глаз. – Вы заплатите чеком или наличными? Согласитесь, что завтра банки закрыты.

– Наличными, – сказал Готорн, передавая ей приготовленный пакет с пятьюдесятью ассигнациями.

Вспыхнув от удовольствия, Элда понесла пакет на свободный угол стола. Там она присела считать. Доктор долго смотрел, как она считает ассигнации, затем нахмурился и закрыл глаза.

Досчитав, Элда шевельнула губами, с сомнением посмотрела на Готорна.

– Не хватает семидесяти пяти, – сказала она. – Я считала два раза. Сосчитайте сами, если не верите.



– Я верю и прошу извинить мою рассеянность, – сказал Готорн, добавляя нехватаящую сумму. – Теперь идите к автомобилю. Я уже приказал отвезти вас обратно.

– Благодарю, – сказала она, счастливая, усталая и закруженная своей удачей. – Ну, всего хорошего... От меня немного цветов вашему чудаку. Но только две буквы «Э.» и «С.».

Проводив ее и посмотрев на ее затылок в круто завернувшем автомобиле, Готорн вернулся к доктору, который сказал:

– Она слаба в арифметике.

– Я сделал это нарочно, так как понял ее и знал, что она будет считать. Я сделал так затем, чтобы окончательно отделить Элду от Анготэи...